

Психология: кризис и поиск предмета

Мазилов Владимир Александрович

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, Россия*

e-mail: v.mazilov@yspu.org

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена кризиса в психологии. Периодически появляются новые публикации на тему кризиса в психологии, что свидетельствует о том, что тема не закрыта и сохраняет актуальность. В статье обосновывается положение, согласно которому, существуют психологические причины, заставляющие психологов все новых поколений говорить о кризисе. Главный тезис настоящей статьи - навязчивое обращение (и возвращения) к теме кризиса есть не что иное как память психологов (для самих себя), что психология пока что несовершенна, если мерить по Большому счету, считать ее наукой о человеческой Душе, наукой о наиболее удивительном и совершенном (возвышенном), как некогда полагал Аристотель. Утверждается, что за дату возникновения кризиса следует принять 1874 год, т.е. она совпадает с датой возникновения психологии как самостоятельной науки. Глубинный кризис научной психологии существует с момента ее возникновения, он не преодолен до сих пор, хотя может проявляться на разных уровнях. Первый - относительно неглубокий, отражает закономерности любого развития, включающего в себя, как хорошо известно, и литические и критические этапы. Кризис на этом уровне - нормальный, естественный этап в развитии любого подхода, направления, «локальный» кризис, который и возникает, и преодолевается относительно легко. Второй уровень - уровень «основных парадигм». История психологии в XX столетии может быть уподоблена движению «маятника»: периодические обострения кризиса - не что иное, как разочарование в возможностях свести всю психологию к ее «половине» (естественнонаучной или герменевтической), когда части научного сообщества становится очевидной несостоятельность очередной попытки решить вопрос о целостности психологии ценой «логического империализма» той или другой из двух "полупсихологий", возникает впечатление, что психология вновь в кризисе. Третий, самый глубокий уровень, связан с ограниченным пониманием самого предмета психологии.

Ключевые слова: психология, наука, кризис, предмет психологии

Psychology: crisis and search of subject

Mazilov Vladimir Aleksandrovich

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia

e-mail: v.mazilov@yspu.org

Abstract. This article analyzes the phenomenon of the crisis in psychology. Periodically, there are new publications on the crisis in psychology. This indicates that the topic remains relevant. The article explains the position according to which there are psychological reasons that cause the new generations of psychologists all talk about the crisis. The main thesis of this article - intrusive treatment (and return) to the theme of the crisis there is nothing more than a memory of Psychologists (for themselves), that psychology is not perfect yet, if measured by and large, consider it the science of the human soul, the science of the most amazing and perfect (elevated), as once thought, Aristotle. It is alleged that during the inception of the crisis should be taken in 1874, ie, it coincides with the date of occurrence of psychology as an independent science. Identified and described three levels of crisis.

Keywords: psychology, science, crisis, the subject of psychology

*"Мы оглядываясь видим лишь руины,
Взгляд, конечно, очень варварский,
но верный"
И. Бродский*

Прошла половина тысячелетия с той поры в начале шестнадцатого века, когда Марко Марулич (1450-1524) придумал термин «психология». Это было одно из самых удачных изобретений в истории этой замечательной науки: термин прижился, хотя случались попытки отказаться от его использования. Представляется, это уже навсегда: как бы ни менялись в будущем взгляды на предмет психологии, название это сохранится, так как прекрасно отражает суть этой науки. Поэтому никакие кризисы психологии не страшны: вся история этой науки это не только утраты, но и поиски и обретения подлинного предмета, который бы охватил все аспекты этого самого сложного и труднодостижимого феномена из всех «пространств мира»...

Периодически появляются новые публикации на тему кризиса в психологии, что свидетельствует о том, что тема не закрыта, и, напротив, сохраняет актуальность. Это, как представляется, дает некоторые основания для того, чтобы высказать суждения на этот счет. Поскольку уже приходилось писать о кризисе в психологии [16; 17; 18], остановимся лишь на некоторых аспектах проблемы, на тех, которые стали наиболее важными в свете недавних дискуссий по этой тематике.

В самое последнее время были опубликованы очень актуальные и интересные работы А.М. Двойнина, посвященные проблеме кризиса психологии. В статье А.М. Двойнина [6] подвергается сомнению распространенная в среде российских психологов оценка состояния мировой психологии как кризисного. Автор полагает, что кризисное переживание выражает собственные ощущения отечественного психологического сообщества. Сопоставляя методологические дискуссии о кризисе, идущие в отечественной и зарубежной психологии, автор раскрывает причины и факторы ощущения кризиса у российских психологов, делая вывод, что за ощущением кризиса в психологической науке у российских психологов стоит кризис их идентичности. Автор полагает, что мировая психология не находится во внутринаучном кризисе и предлагает при диагностике состояния современной психологии использовать вместо метафоры «кризис» другие оценочные инструменты [6]. Утверждается, что психология как культурная деятельность определенных научных сообществ втянута в мировые глобальные культурные и цивилизационные процессы, которые характеризуются в настоящее время как кризисные. Автор утверждает, что молодое поколение российских ученых менее подвержено переживанию кризиса идентичности, чем старшее. Согласно А.М. Двойнину, условием преодоления кризиса идентичности выступает содержательный диалог старшего и младшего поколений отечественных психологов о методологических проблемах психологии [5].

Говоря о кризисе, прежде всего, следует акцентировать два момента.

Первый состоит в том, что кризис не стоит расценивать как негативное явление. Навязчивое обращение (и возвращения) к теме кризиса есть не что иное как память психологов (для самих себя), что психология пока что несовершенна. Если рассматривать кризис как долгие поиски подлинного предмета науки, то это не должно расцениваться как ее недостаток. Наоборот, кризис означает, что психологическая наука на верном пути.

Конечно, переживание кризиса происходит в сознании психолога, он субъективен. В этом А.М. Двойнин, конечно, прав. Важно подчеркнуть, что это именно состояние, а состояние субъективно, так как представляет собой субъективную оценку. Поэтому очевидно, что вполне возможна множественность оценок: то, что одному субъекту представляется кризисом, другому видится поступательным развитием. И разные переживания отечественных и зарубежных ученых имеют место.

Психологи любят слово «кризис»: это не только важный предмет исследований возрастных, медицинских, социальных, организационных и др. психологов. Психологи едва ли не обожают описывать этим термином состояние их науки. Если за дату возникновения научной психологии принять 1874 год, когда был полностью опубликован труд В.Вундта, обосновавший «новую область в науке» [35], то придется признать: кризис сопровождал само рождение научной психологии. Дело в том, что в том же 1874 году другой психолог Ф. Brentano писал в «Психологии с эмпирической точки зрения»: «Не столько в разнообразии и широте мнений, сколько в единстве убеждений

испытывает сегодня психология острую нужду. И здесь мы должны стремиться приобрести то же, чего – одни раньше, другие позже – уже достигли математика, физика, химия, физиология; нам нужно ядро признанной всеми истины, которое в процессе взаимодействия многих сил затем быстро обрастет новыми кристаллами. На место психологий мы обязаны поставить психологию» [1, с.11]. Как мы увидим далее, это и есть главный симптом кризиса: психологий много, нет единой психологии. Таким образом, можно говорить о кризисе, сопровождавшем само рождение научной психологии.

Кризис, который всегда с тобой

Почему психологи, заинтересованные в развитии своей науки, так любят этот термин? Представляется, что ответ прост. Греческое слово «кризис» (krisis – поворотный пункт, решение, исход), как известно, означает «тяжелое переходное состояние какого-либо процесса», «резкий, крутой перелом». Иными словами, кризис – термин оптимистический: имплицитно представляется, вот пройдет кризис и все будет по-новому, все будет лучше. Поэтому любовь к термину “кризис” означает всего лишь выраженную неудовлетворенность психологов нынешним состоянием своей прекрасной науки и стойкую надежду на перемены к лучшему в самом ближайшем будущем. А нетерпение – вполне извинительное состояние, возникающее при избыточной мотивации.

Стоит к тому же добавить, что многие психологи, предлагавшие новые идеи (это характерно и для XIX, и для XX столетий), не использовали слово «кризис», предпочитали употреблять менее эмоционально насыщенные термины, но не оставляющие сомнений в неблагополучии ситуации в психологии. Тогда окажется, что кризисы (или аналогичные кризисам «тяжелые» состояния) сопровождают весь исторический путь психологической науки.

Настоящая работа не является историко-психологическим исследованием, поэтому не преследует цели подробного описания кризисных явлений на разных этапах развития научной психологии (эта тема, несомненно, достойна специального исследования). Задача этой работы – попытаться выявить специфику кризисов в психологии и наметить магистральные пути их возможного преодоления. Или, иными словами, ответить на вопрос, поставленный в недавней статье И.А. Мироненко, – системный кризис или локальный? [19].

Исторические данные будут привлекаться лишь для того, чтобы попытаться ответить на важный вопрос: имеем мы дело с одним и тем же “перманентным” кризисом или же происходит череда сменяющих друг друга кризисов различной природы. Во всяком случае, даже поверхностный взгляд на историю психологии заставляет предположить, что кризисы в психологии были практически всегда. Если воспользоваться блистательной находкой переводчиков известной книги воспоминаний Эрнеста Хемингуэя «A Moveable

Feast» – буквально: переходящий праздник (они, как известно, перевели это как «Праздник, который всегда с тобой») и перефразировать, то применительно к научной психологии это будет «A Moveable Crisis» – «кризис, который всегда с тобой».

Здесь, как представляется, нужны некоторые комментарии. «Переходящий праздник» – это тот, который зависит от даты Пасхи. Сложность с этими праздниками состоит в определении календарной даты Пасхи в текущем году. Как пишет Патрик Хемингуэй, «[Эрнест] Хемингуэй мог вспомнить одну из самых знаменитых речей у Шекспира, речь Генриха V перед битвой при Азинкуре в День святого Криспина. День святого Криспина – неподвижный праздник. Каждый год его отмечают в один и тот же день, но если в этот день вы сражались, говорит Генрих, он всегда будет с Вами» [25, с. 8]. «С годами идея переходящего праздника стала для Хемингуэя чем-то очень похожим на то, что, чего желал своей «горсточке счастливцев» король Гарри: чтобы День святого Криспина стал памятью и даже состоянием бытия, частью тебя, которая пребудет с тобой всегда, и, куда бы тебя ни занесло, как бы ни жил после этого, ты ее никогда не утратишь. Переживание, впервые зафиксированное во времени и пространстве, или душевное состояние, такое как счастье или любовь, перемещается с тобой и переносится в пространстве и времени. <...> Но чтобы иметь такие праздники, нужна память. Когда память ушла и ты сознаешь, что она ушла, можно впасть в отчаяние, а это грех перед Святым Духом» [25, с. 9].

Итак, если есть преходящий (движимый) праздник, то может быть и переходящий кризис – «A Moveable Crisis» – «кризис, который всегда с тобой». Если говорить серьезно, это очень похоже на правду... Что справедливо для радости, может оказаться истинным и для печали. Центральный тезис настоящей статьи - навязчивое обращение (и возвращения) к теме кризиса есть не что иное как память психологов (для самих себя), что наша психология пока что несовершенна, если мерить по Большому счету, считать ее наукой о человеческой Душе, наукой о наиболее удивительном и совершенном (возвышенном), как некогда полагал Аристотель. Даже, если допустить, что термин кризис в данном случае не вполне удачен.

Представляется, что в дискуссиях о кризисе в современной психологии очень много «методологических эмоций» (А.В. Юревич), которые осложняют объективное рассмотрение вопроса. Обратим внимание на некоторые, существенные, на наш взгляд, моменты.

1. Не стоит воспринимать кризис как негативное явление. Кризис совсем не означает отсутствия прогресса или иных достижений. Уже упоминалось о том, что констатация кризисного состояния - в соответствии с этимологией – может рассматриваться не только как «резкий, крутой перелом», но и как «тяжелое переходное состояние какого-либо процесса» (например, как родовая травма, которая не преодолена до сих пор). Поэтому стоит акцентировать, что, если рассматривать кризис как долгие поиски подлинного предмета науки, то это никоим образом не должно расцениваться как ее недостаток. Важно

подчеркнуть, что это именно состояние, а состояние субъективно, так как представляет собой субъективную оценку. Поэтому очевидно, что вполне возможна множественность оценок: то, что одному субъекту представляется кризисом, другому видится поступательным развитием.

2. В российской психологии является традицией рассматривать методологию на исторической основе, как содержательную методологию. Поэтому значительно более вероятно использование терминологии, связанной с кризисом, именно в отечественной психологической науке. Более редкое использование кризисной терминологии в зарубежной психологии в данном случае не должно вводить в заблуждение. Нам представляется, что это связано с некоторыми особенностями российской ментальности - стремлением непременно «дойти до самой сути», а не довольствоваться прагматическими следствиями. Не развивая далее эту тему, заметим, что известный бизнесмен, меценат и филантроп Джордж Сорос в свое время в одном из интервью, отвечая на вопрос, «чем сильна российская наука?», сказал: «Я думаю, что в международном масштабе российская наука идет в первых рядах, но характер ее несколько отличается от западной. Российская наука больше витает в облаках и меньше уделяет внимания практике. Видимо, потому, что российская наука не опирается на передовую технику, на которую опирается западная наука» [21, с. 13]. Знаменателен вывод человека, много сделавшего в свое время для поддержки науки: «Вот поэтому российская наука так ценна, что она не ползает на грешной земле. Она вносит разнообразие, обогащает научный мир» [21, с. 13]. Можно полагать, что российская наука не должна отказываться от своих традиций методологических исследований, даже если где-то в других местах полагают иначе.

3. Представляется, что когда мы говорим о кризисе, не стоит воспринимать его упрощенно и уплощенно. В известном исследовании [28] было убедительно показано, что кризис (впрочем, как и практически все в психологии) имеет сложное строение, носит системный характер. Не подлежит сомнению, что для понимания кризиса важно учитывать, что существуют социальные и когнитивные его составляющие [28].

Как хорошо известно, один из центральных образов, связанных с кризисом в психологии, был представлен в книге Н.Н.Ланге «Психология» [11]: Приам на развалинах Трои. Приам, который, как мы помним по Илиаде, к моменту захвата Трои был глубоким старцем, не принимавшим участия в сражениях, отцом 50 сыновей и 50 дочерей. У Гомера ничего не сказано про то, что переживал Приам на развалинах Илиона, захваченного ахейцами. Судя по всему, погоревать на развалинах ему так и не удалось, поскольку, согласно Вергилию, убит Приам был в алтаре Зевса сыном Ахилла Пирром (Неоптолемом). Последние слова старца Приама, которые он произнес в гибнущей Трое: «Не доживет до старости тот, кто отнимает жизнь у старости».

Кризис психологии, согласно Н.Н. Ланге, проявился в том, что нет больше Трои. Крушение ассоциативной системы породило развалины.

Впрочем, предоставим слово самому автору: «Кто знаком с современной психологической литературой, с ее направлениями и тенденциями, особенно в отношении принципиальных вопросов, не может, я думаю, сомневаться, что наша наука переживает ныне тяжелый, хотя и крайне плодотворный, кризис. Этот кризис, или поворот (начало которого можно отнести еще к 70-м гг. прошлого столетия), характеризуется, вообще говоря, двумя чертами: во-первых, общей неудовлетворенностью той прежней доктриной или системой, которая может быть названа, вообще ассоциационной и сенсуалистической психологией, и, во-вторых, появлением значительного числа новых попыток углубить смысл психологических исследований, причем обнаружилось, однако, огромное расхождение взглядов разных психологических направлений и школ» [11, с. 69]. Н.Н.Ланге определил признаки кризиса: реально работал критерий «огромного расхождения» («отсутствия общепринятой системы в науке») - если «расхождение» существует, то психология не имеет «основы», "фундамента", позиции по отношению к которым у большинства психологов должны совпадать.

Но вот вопрос, который для нас важен: «Действительно ли в пору господства доктрины ассоциативной психологии был золотой век, существовала Великая Троя, подвергшаяся разрушению?». Полагаем, что нет. Хотел Н.Н. Ланге акцентировать разрушительную сторону кризиса, вот и выбрал такую метафору. Более соответствующей реалиям, на наш взгляд, является метафора «кротовых нор», принадлежащая Фихте-сыну (1847 год), «Большая часть из нас одиноко, подобно кротам, копают в собственных норах, и опасаются недоброй встречи, прикасаясь к подземным ходам других. В науке самого высокого и универсального интереса, каждый упорно говорит своим языком, следует только собственной терминологии; короче, силится прежде всего стать оригинальным между другими, вместо того, чтобы искать общего и связующего» [13, с. XLV-XLVI]. Хочется обратить внимание на то, что цитата из Фихте приводится по тексту книги Н.Н. Ланге 1893 года. Не было золотого века применительно к метафоре кризиса Н.Н. Ланге, «не было Трои»... Золотой век – впереди!

Кризис в психологии: основные вехи

Итак, в любом случае, первым о кризисе заговорил Brentano в 1874 году [29].

Книга Н.Н. Ланге «Психология» [11], в которой открыто говорилось о кризисе в психологии, послужила своего рода «сигналом»: свои «диагнозы» начали давать многие психологи. Хотя, исторической справедливости ради, следует отметить, что о кризисе в психологии писали и до Ланге: французский последователь В.М. Бехтерева Н.Н. Костылев опубликовал в 1911 году в Париже книгу под названием «Кризис экспериментальной психологии» [33], еще в конце позапрошлого столетия махист Рудольф Вилли написал книгу о кризисе в психологии [36]. В любом случае приоритет в постановке диагноза

принадлежит все же Ф.Брентано: он сумел разглядеть симптомы кризиса практически в момент рождения научной психологии. Впрочем, куда важнее другое: с тем, что кризис есть, согласны практически все. Что касается трактовки причин и смысла психологического кризиса, то здесь наблюдается привычное для психологической науки многообразие взглядов и позиций.

Сколько ни интересен анализ кризиса в психологии, данный Н.Н. Ланге, не будем на нем останавливаться. В двадцатые годы было принято ставить диагноз кризисному состоянию психологии. Известны «диагнозы» М.Я. Басова (1924, 1928), П.П. Блонского (1925), Л.С. Выготского (1927), В.А. Вагнера (1923), А.Р. Лурии (1932), С.Л. Рубинштейна (1934, 1935), Б.Г. Ананьева (1931) и мн. др. Даже одно перечисление впечатляет, хотя приведенный список заведомо и далеко не полон. Каждый из названных авторов имел свой взгляд на причины сложившейся кризисной ситуации, ее динамику и пути выхода из кризиса. Многим авторам принадлежит несколько диагнозов. Например, может быть прослежена эволюция взглядов на причины психологического кризиса и способах его преодоления у Л.С. Выготского (1925, 1927, 1931, 1934), у А.Р. Лурии (1925, 1928, 1930, 1932) и др. Налицо удивительное многообразие методологических поисков и их «разнонаправленность». В двадцатые годы сложилась ситуация, которая способствовала разработке методологических проблем. Несомненный факт кризисного состояния заставил психологов многократно анализировать его ближайшие причины, его источники и движущие силы, факторы, осложняющие его течение в российских, советских условиях. Все это стимулировало интерес к выявлению оснований психологии. Острое ощущение необходимости построения новой психологии (все авторы, писавшие о кризисе, были удивительно единодушны в одном – они утверждали, что новая психология еще только должна родиться) способствовало формированию представления о том, что могут быть выявлены и описаны закономерности формирования психологической теории.

Есть основания считать, что кризис, первые симптомы которого можно увидеть в работах Ф. Брентано, существует уже в течение более, чем века. Преодолен он не был, признаки, названные еще Н.Н. Ланге, по-прежнему налицо. Существуют некоторые флуктуации, связанные с тем, что появляются надежды на единство, которые в очередной раз не оправдываются, что ведет к обострению кризиса. Рассмотрим в качестве примера Международные психологические конгрессы, опираясь на данные Л. Гарай и М. Кечке. XVIII Международный психологический конгресс в Москве в 1966 году. По свидетельству Л. Гарай и М. Кечке, XVIII Международный явился триумфом естественнонаучного подхода. Эту же эйфорию выразили заключительные слова К.Прибрама: «Это был поистине исторический конгресс. Я уверен, что будущие поколения, обращаясь к этому событию, будут отдавать себе отчет в том, что здесь в Москве мы были свидетелями того, что психология оформилась как целиком экспериментальная наука» [4, с. 87]. Здесь важно обратить внимание на такой факт: торжество естественнонаучного подхода связывалось с тем, что в очередной раз создалась иллюзия – чисто

«социальные» феномены поддаются «естественным» методам. Л. Гараи и М. Кечке в статье с символическим названием «Еще один кризис в психологии!» вспоминают, с каким восторгом встретили участники московского конгресса доклад Х. Дельгадо, где описывалось изменение «социального» поведения обезьян под влиянием стимуляции мозга с помощью вживленных электродов.

Явилось сюрпризом, что десять лет спустя другой международный конгресс, 21-й в Париже, был открыт Полем Фрессом президентским обращением, первой фразой которого было: «Психология находится в состоянии кризиса!» Президент утверждал: «Кризис глубок, ибо это кризис теории. Мы ступили на путь научной революции в поисках новой парадигмы в смысле, который Кун дал этому слову» [32]. Фресс утверждал, что поиск новой парадигмы идет в направлении, где поведение будет не больше, чем сырой материал исследования, реальным объектом исследования которого станет человек. Итак, XXI Международный конгресс устами П. Фресса констатировал наличие кризиса, причем глубокого. Но очень характерно, что уже на следующем – XXII Международном конгрессе тот же Поль Фресс утверждал, что кризис в значительной степени преодолен. Анализируя продолжающееся со времен В. Вундта разделение психологии на естественнонаучно-ориентированную и культурно-ориентированную, французский ученый выдвигает оптимистический тезис: «Но мне кажется, что мы преодолели двусмысленность в вопросе единства психологии и цельности человека, сковывавшую психологию в первые десятилетия ее существования» [23, с. 51]. Он поясняет, почему является сторонником «единства психологии»: «потому что ее объект – человек обладает своей спецификой, и нельзя игнорировать того, что малейшее из наших действий зависит от нашей природы и культуры. Но это не должно быть причиной разделения психологов на тех, кто изучает только мозг, и тех, кто занимается поведением» [23, с. 53]. «Человек ли, как Фресс того требовал, является объектом психологии или поведение, как по сей день считают многие из цеха психологов-исследователей, но пока психологическое исследование будет претендовать на роль естественнонаучного, оно то и дело будет наткаться на несуразности» [4, с. 90]. «Не подает больше надежды также и обратный прием, когда общим знаменателем двух полупсихологий объявляется не позитивистская логика естественных наук, а, согласно новой моде, герменевтическая логика исторических наук. На язык этой последней ничего невозможно перевести из всего богатства открытий, сделанных за долгую историю естественнонаучной психологии, особенно касающихся связи психологических феноменов, с одной стороны, и стратегии живого организма, направленной на его выживание, с другой» [4, с. 90-91].

Как ни удивительно, до сих пор многие исследователи выражают надежду, что проблема разрешится просто: где-то будет найден ответ, причем в готовом виде. Венгерские психологи Л. Гараи и М. Кечке, яркая статья которых уже неоднократно цитировалась, связывают надежды с творческим наследием

Л.С. Выготского: «В последнее время возникли некоторые признаки того, что психология найдет излечение от своей шизофрении не ценой логического империализма той или другой из двух полунаук. Самым ярким из этих признаков является то особое внимание, с которым за десять последних лет западная научная общественность обращается к теории Выготского» [4, с. 91]. Крупный американский исследователь М. Коул усматривает возможное разрешение кризиса в психологии в развитии идей, содержащихся в работах А.Р. Лурии [31]. Такого рода экспектации воспринимаются с известным пессимизмом. Условия для преодоления раскола в психологии должны быть не внешними, а должны быть заложены в фундамент психологии. Должна быть выполнена содержательная методологическая работа.

Обратим внимание на то, что П.Я. Гальперин, видел истоки кризиса в том, что психология не смогла преодолеть дуализм: «Подлинным источником “открытого кризиса психологии” был и остается онтологический дуализм – признание материи и психики двумя мирами, абсолютно отличными друг от друга. Характерно, что ни одно из воинствующих направлений периода кризиса не подвергало сомнению этот дуализм. Для этих направлений материальный процесс и ощущение, материальное тело и субъект оставались абсолютно – *toto genere* – разными, несовместимыми, и никакая эволюция не может объяснить переход от одного к другому, хотя и демонстрирует его как факт. И в самом деле, если мыслить их как абсолютно противоположные виды бытия, то этот переход действительно понять нельзя» [10, с. 3]. Обратим внимание, что эта глубокая мысль может означать, что неправильно определен предмет психологии. П.Я. Гальперин полагал, что «с точки зрения диалектического материализма все обстоит иначе» [10, с. 3]. К сожалению, диалектическому материализму тоже не удалось решить главные методологические вопросы психологии. Надежда оказалась иллюзорной.

Не имея возможности проследить подробно развитие представлений о характере кризиса, отметим, что интересный анализ кризисного состояния психологии предпринял А.В. Юревич, известная статья которого в «Вопросах психологии» называлась «Системный кризис психологии» [28] и была посвящена обоснованию положения о том, что кризис в современной психологии носит системный характер и определяется несколькими ключевыми факторами. А.В. Юревич приходит к выводу, что «Психология, таким образом, оказавшись в наиболее «горячей точке» взаимодействия различных метадигм, испытывает на себе их противоречивое влияние, которое отображается в ее внутренних противоречиях, воспринимаемых как кризис психологического знания и традиционных способов его получения. Ее кризис носит системный характер, имея в своей основе три ключевых фактора: 1) общий кризис рационализма, 2) функциональный кризис науки, 3) кризис естественнонаучности и традиционной – позитивистской – модели получения знания. Все три составляющие этого кризиса имеют социальные корни, и поэтому кризис психологии, проявляющийся в основном в когнитивной плоскости – как кризис психологического знания и способов его получения,

обусловлен преимущественно социальными причинами, являясь кризисом не столько самой психологической науки, сколько системы ее взаимоотношений с обществом, и поэтому может разрешиться только социальным путем. Наивно полагать, что изобретение новых систем психологического знания, развитие уже существующих или отработка новых способов аргументации помогут рационалистической метадигме одолеть ее конкурентов» [28, с. 10]. Работа А.В. Юревича хорошо известна, вызвала большой резонанс в психологическом сообществе. Не вдаваясь в обсуждение этой оригинальной работы, отметим только, что не со всеми положениями, высказанными автором, можно согласиться. Отметим только, что кризис, несомненно, устранить можно лишь социально, но причина его лежит, на наш взгляд, в когнитивной плоскости.

В поисках предмета психологии

Как нам представляется, главная причина кризиса в том, что не лучшим образом определен предмет психологии как науки. Необходимо отметить, что в направлении исследований по предмету психологии в последнее время проводится значительная работа. Значимые результаты получены в области методологии психологической науки и отражены в материалах, опубликованных в сборниках научных трудов [20; 22; 24] и других.

Речь идет о выработке нового понимания предмета психологии. И исследователь в области психофизики, и исследователь в области трансперсональной психологии очевидно представляют одну науку – психологию. Сейчас складывается впечатление, что это представители совершенно разных наук, т.к. все у них разное. Поэтому понимание предмета психологии должно быть таким, чтобы в нем нашлось место как для одного, так и для другого. Только такое понимание даст возможность объединить наработки психологов разных школ и направлений. Без такого понимания невозможно обобщение накопленных в психологии огромных массивов знаний. Это очень сложная задача. Она, кстати, общая для отечественной и для мировой психологии (при всем различии подходов к исследованию психики). Соотнесение и упорядочение имеющегося материала на основе нового понимания позволят психологии стать фундаментальной наукой.

В решении этой проблемы можно выделить два этапа ее решения. Первый этап – формальное описание предмета (какие функции он должен выполнять, каким критериям соответствовать). Эта работа в значительной степени уже проделана. Второй этап – содержательное наполнение концепта «предмет психологии». В этом направлении работа также уже проводится. Как конкретно будет называться этот новый предмет? Представляется, что наиболее удачным является термин «внутренний мир человека» [26]. Предпринята попытка представить в качестве предмета психологии внутренний мир человека, поскольку именно он позволяет, на наш взгляд, осуществить содержательное наполнение, вместив всю психическую реальность в полном объеме. Многие методологические проблемы психологии порождаются

нерешенностью главной – выработкой нового понимания предмета. Противостояние парадигм, различия между естественнонаучной и гуманистическими ориентациями в психологии и т.п. – эти важнейшие проблемы являются в значительной степени следствиями нерешенности основного вопроса психологии. Проблема предмета – это действительно, если перефразировать классика, основной вопрос всей, в особенности новейшей психологии.

В настоящее время подготовлен учебник для будущих психологов [27]. При подготовке данного учебника было использовано новое понимание предмета психологии как внутреннего мира человека. В этом учебнике рассмотрено понятие «внутренний мир человека», показано, что внутренний мир отражает бытие человека и формируется в процессах жизнедеятельности. Развиваясь в деятельности и поступках, он характеризуется функциональностью и оперативностью. Все психические процессы во внутреннем мире протекают одновременно на двух уровнях: сознательном и бессознательном. Внутренний мир, с одной стороны, един с внешним миром, с другой – независим от него. Внутренний мир, порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан переживаниями.

Внутренний мир как субстанциональная сущность, характеризуется устойчивостью, выступает как пребывающая сущность и ее проявления, как сущее, причина которого в нем самом, существующее как причина самого себя. С позиции внутреннего мира хорошо объясняются проблемы, которые изучает психология.

Кризис психологии может быть преодолен только целенаправленной совместной работой психологического сообщества, т.е. именно социальным путем. Но первопричина кризиса лежит, по нашему мнению, именно в когнитивной плоскости и заключается в неадекватном понимании психологической наукой своего предмета.

Как представляется, кризис в психологии имеет уровневое строение. Полезно выделение трех основных уровней. Это позволяет удовлетворительно решить вопрос о том, является кризис перманентным или локальным, потому что, на наш взгляд, справедливы оба заключения – речь при этом идет о разных уровнях.

По нашему мнению, глубинный кризис научной психологии существует с момента ее возникновения, он не преодолен до сих пор, хотя может проявляться на разных уровнях. По меньшей мере, их три.

Первый – относительно неглубокий. Этот уровень отражает закономерности любого развития, включающего в себя, как хорошо известно, и литические и критические этапы. Кризис на этом уровне – нормальный, естественный этап в развитии любого подхода, направления, «локальный» кризис, который и возникает, и преодолевается относительно легко.

Второй уровень – уровень «основных парадигм». Еще Вундт - создатель научной психологии – заметил в «Основах физиологической психологии», что психология «занимает среднее место между естественными и гуманитарными науками». История психологии в XX столетии может быть уподоблена движению «маятника»: периодические обострения кризиса - не что иное, как разочарование в возможностях свести всю психологию к ее «половине» (естественнонаучной или герменевтической). Иными словами, когда части научного сообщества становится очевидной несостоятельность очередной попытки решить вопрос о целостности психологии ценой «логического империализма» той или другой из двух полунаук (по изящному выражению Л. Гараи и М. Кечке), возникает впечатление, что психология вновь в кризисе.

И, наконец, третий, самый глубокий уровень, связан с ограниченным пониманием самого предмета психологии. На этом уровне кризис не преодолен до сих пор (со времен В. Вундта, Ф. Brentano и В. Дильтея). Истоки кризиса, на наш взгляд, можно обнаружить в трудах ученых середины XIX столетия, которые обеспечили психологии статус самостоятельной науки. Обстоятельства выделения были таковы, что ценой, которую психология заплатила за свою научность и самостоятельность, стало ограниченное понимание ее предмета. С одной стороны, сказалось противопоставление физиологии (в результате психическое утратило «энергетические» определения), с другой, разделение психики на «высшую» и «низшую» лишило ее неразрывной связи с миром культуры (в результате психическое в значительной степени утратило характеристики «духовного»). На наш взгляд, обращение к трактовке предмета психологии как внутреннего мира позволяет удовлетворительно разрешить эти проблемы.

Перманентным (не преодоленным до сих пор) он является на третьем, глубинном уровне (связанном с пониманием предмета психологии). Применительно к этому уровню можно сказать, что это действительно кризис, который всегда с тобой. О нем в рамках настоящего текста было сказано, что переживания, связанные с этим уровнем, напоминают психологам, что современная психологическая наука далека от идеала.

На втором уровне - парадигмальном - речь идет о тех кризисах, которые возникают регулярно и регулярно разрешаются. Если принимать во внимание в основном этот уровень, сложится впечатление, что кризисы преходящи. Многочисленные примеры приводились выше: трудности в реализации естественнонаучного подхода приводят к повышенным ожиданиям от герменевтического (в последние годы также и от других парадигм: конструктивистской, психотехнической, синергетической, постмодернистской). В настоящее время налицо повышенное внимание к нейронаукам, достижениям в области фармакологии, которая создает препараты, направленно модифицирующие психическую активность.

И, наконец, первый, явленный на поверхности, отражает жизнь конкретной научной школы или направления. Как хорошо известно, можно говорить о кризисах в бихевиоризме, психоанализе, когнитивной психологии,

деятельностном подходе и т.д. Поскольку первый и второй уровни могут совпадать по времени, это может приводить к субъективному «наложению» – усилению переживания, то есть кризис может переживаться более остро.

Если говорить о глубинном уровне, то главный вывод, который следует из вышеприведенных соображений, состоит в том, что кризис в научной психологии, так сказать, «заложен конструктивно». Следовательно, важнейшей проблемой современной психологии остается выработка такого понимания предмета, который бы позволил преодолеть кризис на глубинном уровне. Здесь нет возможности рассматривать исторические причины возникновения узко-неадекватной трактовки предмета, хотя это и представляется важным и поучительным. Это тема отдельной работы.

Список литературы:

1. Brentano Ф. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1996.
2. Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М., 2003.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т.1. М.: Педагогика, 1982.
4. Гараи Л., Кечке М. Еще один кризис в психологии! // Вопросы философии. № 4. 1997. С. 86-96.
5. Гусельцева М.С. Методологические кризисы и типы рациональности // Вопросы психологии. 2006. № 1. С. 3-15.
6. Двойнин А.М. Кризис в психологии или внутри нас самих? // Вопросы психологии. 2016. №1. С. 45-54.
7. Двойнин А.М. Кризис в психологии или кризис идентичности российских психологов? // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 94-107.
8. Завершнева Е.Ю. Проблема кризиса в современной психологии: историко-методологическое исследование: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2004.
9. Зеленкова Т.В. О сетевой парадигме в психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 18-28.
10. История психологии: период открытого кризиса: Тексты / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: МГУ, 1992. 364 с.
11. Ланге Н.Н. Психология // Итоги науки в теории и практике. Т. 8. М.: Изд-во т-ва «Мир», 1914.
12. Ланге Н.Н. Психический мир: Избранные психологические труды/ Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
13. Ланге Н.Н. Психологические исследования: Закон перцепции. Теория волевого внимания. Одесса: Типография Шт. Одесского военного Округа, 1893.

14. Мазиллов В.А. Психология: шизофрения как и было сказано // Психотехнологии в социальной работе / Сб. под ред. В.В. Козлова Ярославль: МАПН, 1998, с.140-173.
15. Мазиллов В.А. Кризис современной психологии // Феномены личности и группы в изменяющемся мире: Материалы научно-практической конференции. Ч.1. Кострома: КГПУ, 1998. С. 71-74
16. Мазиллов В.А. Психология: кризис в науке // Психотехнологии в социальной работе. Выпуск 9. / Сб. под ред. В.В. Козлова. Ярославль: МАПН, ЯрГУ, 2004. С. 12-46.
17. Мазиллов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998.
18. Мазиллов В.А. Методология психологии. Ярославль: МАПН, 2007.
19. Мироненко И.А. Кризис психологии: перманентный и системный или локальный? // Вопросы психологии. 2008. № 4. С. 119-127.
20. Парадигмы в психологии: Научоведческий анализ. / Отв. Редакторы А.Л. Журавлев, Т.В. Корнилова, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
21. Робин Гуд по имени Сорос: Интервью с Д.Соросом // Аргументы и факты, 1997. № 41 (886). С. 13.
22. Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во ИПРАН, 2007.
23. Фресс П. О психологии будущего // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 3. С. 48-54.
24. Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2. Предмет психологии. Ярославль, 2004.
25. Хемингуэй П. Предисловие // Хемингуэй Э. Праздник, который всегда с тобой. М.: АСТ, 2014.
26. Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека. М.: Университетская книга, 2005.
27. Шадриков В.Д., Мазиллов В.А. Общая психология. М.: Юрайт, 2015.
28. Юревич А.В. Системный кризис в психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3-12
29. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte. Bd. 1. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874
30. Bühler K. Die Krise der Psychologie. Jena: Gustav Fischer, 1927.
31. Cole M. Alexander Luria and the Resolution of the Crisis in Psychology // I Международная конференция памяти А.Р. Лурии – First International Luria Memorial Conference: Abstracts. Moscow, Russia, September 24-26, 1997. М.: MGU, 1997. P. 117.
32. International Congress of Psychology 21 st Paris, 1976.: Actes du XXI e Congress international de psychologie. Paris, 18-25 juillet. Paris: Press Univ. de France, 1978.
33. Kostyleff N. La crise de la psychologie expérimentale. Paris: Alcan, 1911.

34. Lewin K. The conflict between Aristotelian and Galilean modes of thought in contemporary psychology // *Journal of General Psychology*. 1931. №. 5. P. 141-177.
35. Willy R. Die Krisis in der Psychologie. Munchen, 1899.
36. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874

References:

1. Brentano F. *Izbrannye raboty*. M.: Dom intellektual'noj knigi; Russkoe fenomenologicheskoe obshhestvo, 1996.
2. Vasiljuk F.E. *Metodologicheskij analiz v psihologii*. M., 2003.
3. Vygotskij L.S. *Sobranie sochinenij*. T.1. M.: Pedagogika, 1982.
4. Garai L., Kechke M. Eshhe odin krizis v psihologii! // *Voprosy filosofii*. № 4. 1997. S. 86-96.
5. Gusel'ceva M.S. Metodologicheskie krizisy i tipy racional'nosti // *Voprosy psihologii*. 2006. № 1. S. 3-15.
6. Dvojnin A.M. Krizis v psihologii ili vnutri nas samih? // *Voprosy psihologii*. 2016. №1. S. 45-54.
7. Dvojnin A.M. Krizis v psihologii ili krizis identichnosti rossijskih psihologov? // *Psihologicheskij zhurnal*. 2015. T. 36. № 6. S. 94-107.
8. Zavershneva E.Ju. Problema krizisa v sovremennoj psihologii: istoriko-metodologicheskoe issledovanie: Diss. ... kand. psihol. nauk. M., 2004.
9. Zelenkova T.V. O setевой paradigme v psihologii // *Metodologija i istorija psihologii*. 2007. T. 2. Vyp. 3. S. 18-28.
10. *Istorija psihologii: period otkrytogo krizisa: Teksty / Pod red. P.Ja. Gal'perina, A.N. Zhdan*. M.: MGU, 1992. 364 s.
11. Lange N.N. *Psihologija // Itogi nauki v teorii i praktike*. T. 8. M.: Izd-vo t-va «Mir», 1914.
12. Lange N.N. *Psihicheskij mir: Izbrannye psihologicheskie trudy/ Pod red.M.G. Jaroshevskogo*. M.: Izd-vo «Institut prakticheskoy psihologii», Voronezh: NPO «Modjek», 1996.
13. Lange N.N. *Psihologicheskie issledovanija: Zakon percepcii. Teorija volevogo vnimanija*. Odessa: Tipografija Sht. Odesskogo voennogo Okruga, 1893.
14. Mazilov V.A. *Psihologija: shizofrenija kak i bylo skazano // Psihotehnologii v social'noj rabote / Sb. pod red. V.V. Kozlova Jaroslavl': MAPN, 1998, s.140-173.*
15. Mazilov V.A. *Krizis sovremennoj psihologii // Fenomeny lichnosti i gruppy v izmenjajushhemsja mire: Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii. Ch.1. Kostroma: KGPU, 1998. S. 71-74*
16. Mazilov V.A. *Psihologija: krizis v nauke // Psihotehnologii v social'noj rabote. Vypusk 9. / Sb. pod red. V.V. Kozlova. Jaroslavl': MAPN, JarGU, 2004. S. 12-46.*

17. Mazilov V.A. Teorija i metod v psihologii. Jaroslavl': MAPN, 1998.
18. Mazilov V.A. Metodologija psihologii. Jaroslavl': MAPN, 2007.
19. Mironenko I.A. Krizis psihologii: permanentnyj i sistemnyj ili lokal'nyj? // Voprosy psihologii. 2008. № 4. S. 119-127.
20. Paradigmy v psihologii: Naukovedcheskij analiz. / Otv. Redaktory A.L. Zhuravlev, T.V. Kornilova, A.V. Jurevich. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2012.
21. Robin Gud po imeni Soros: Interv'ju s D.Sorosom // Argumenty i fakty, 1997. № 41 (886). S. 13.
22. Teorija i metodologija psihologii: postneklassičeskaja perspektiva / Pod red. A.L. Zhuravleva, A.V. Jurevicha. M.: Izd-vo IPRAN, 2007.
23. Fress P. O psihologii budushhego // Psihologičeskij zhurnal. 1981. T. 2. № 3. S. 48-54.
24. Trudy Jaroslavskogo metodologičeskogo seminar. T. 2. Predmet psihologii. Jaroslavl', 2004.
25. Hemingujej P. Predislovie // Hemingujej Je. Prazdnik, kotoryj vseгда s tobj. M.: AST, 2014.
26. Shadrikov V.D. Mir vnutrennej zhizni čeloveka. M.: Universitetskaja kniga, 2005.
27. Shadrikov V.D., Mazilov V.A. Obshhaja psihologija. M.: Jurajt, 2015.
28. Jurevich A.V. Sistemnyj krizis v psihologii // Voprosy psihologii. 1999. № 2. S. 3-12
29. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte. Bd. 1. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874
30. Bühler K. Die Krise der Psychologie. Jena: Gustav Fischer, 1927.
31. Cole M. Alexander Luria and the Resolution of the Crisis in Psychology // I Mezhdunarodnaja konferencija pamjati A.R. Lurii – First International Luria Memorial Conference: Abstracts. Moscow, Russia, September 24-26, 1997. M.: MGU, 1997. P. 117.
32. International Congress of Psychology 21 st Paris, 1976.: Actes du XXI e Congress international de psychologie. Paris, 18-25 juillet. Paris: Press Univ. de France, 1978.
33. Kostyleff N. La crise de la psychologie expérimentale. Paris: Alcan, 1911.
34. Lewin K. The conflict between Aristotelian and Galilean modes of thought in contemporary psychology // Journal of General Psychology. 1931. №. 5. P. 141-177.
35. Willy R. Die Krisis in der Psychologie. Munchen, 1899.
36. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874

Сведения об авторе:

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, вице-президент и действительный член Международной Академии Психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)